

УДК 821.133.1.09(Бодлер)+821.161.1.09(Блок)

Н. В. Сподарец,

кандидат филологических наук, доцент
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
кафедра мировой литературы

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ЧЕЛОВЕКА В ЛИРИКЕ А. БЛОКА ДЕСЯТЫХ ГОДОВ: БОДЛЕРОВСКИЙ СЛЕД

В статье выдвинута гипотеза о том, что в цикле А. Блока «Черная кровь» художественная концептуализация феномена раздвоенного сознания ориентирована на творчество Ш. Бодлера. Прослежены особенности текстового воплощения концепта «человек-зверь», актуализированного как в лирике Ш. Бодлера, так и А. Блока третьего периода его творчества.

Ключевые слова: концепт «человек-зверь», художественная концептуализация, феномен раздвоенного сознания.

Пафос деструкции человека и мира, идея их несовершенства адекватно обозначились в текстах произведений писателей-модернистов и на уровне вербализации концептов.

Исходим из понимания концепта как ментально-когнитивной единицы, которая в границах словесного знака и языка предстает в своих содержательных формах образом, понятием и символом. Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», «понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [6, 90].

В современном литературоведении концепт включен в инструментарий линий филологической аналитики, которые определены приоритетами антропоцентрического подхода к литературному явлению. Актуальность концепта в филологическом знании связана и с его высоким классификационным потенциалом [1]. Опора на это понятие поможет нам реализовать и экзистенциально-феноменологическую исследовательскую стратегию рассмотрения художественного сознания поэтов-модернистов, представивших в своей творческой практике оригинальные решения метафорического концепта «человек-зверь» – одного из структурных компонентов общемодернистской экзистенциальной концептосферы. В целом, разработку *анималистического компонента в творчестве европейских модернистов* можно трактовать и как знак кризисного состояния сознания, обращенного к художественному решению антропологической проблематики.

Литературоведческая интерпретация концепта «человек-зверь» осуществляется нами в системе доминантных факторов целостности поэтического текста модернистов: субъектной организации и мотивики. Выявление узальной и окказиональной когнитивной составляющей содержания концепта «человек-зверь» в лирике Ш. Бодлера и А. Блока проводится с опорой как на поэтикальные, так и на экстралитературные показатели.

В литературоведении уже неоднократно подчеркнута «законодательная миссия» Ш. Бодлера в формировании европейского поэтического модернизма. В продуктивной для модернистского дискурса линии разработки метафорического концепта «человек-зверь» просматриваются поэтические реминисценции и аллюзии с «Цветами зла», «Стихами в прозе» Ш. Бодлера. В качестве иллюстрации будет рассмотрен только один цикл А. Блока «Черная кровь».

Говоря же о факторах, акцентировавших в художественном сознании Ш. Бодлера обращение к концепту «человек-зверь», вспомним и «фантазмагорический мир» Франциско Гойи, который французский поэт ценил за «правдоподобность», отмечая: «Его чудовища рождаются жизнеспособными, они гармоничны. Никто не посмел пойти дальше, чем он, по пути реально зримого абсурда. Все эти извивающиеся тела, звероподобные хари, дьявольские гримасы сродни человеку» [3, 176]. Значимым в становлении новаторских принципов художественной антропологии Ш. Бодлера представляется и его интерес к творчеству Э. По (для нашего анализа показателен рассказ Э. По «Черный кот»).

Г. К. Косяков, один из исследователей творчества Ш. Бодлера, обосновывая мировоззренческие предтечи поэта, обращает внимание и на другие антропологические концепции просветителей и романтиков. Исследователь цитирует скандальное для XVIII века сочинение Ламетри «Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье», где сделан акцент на природных свойствах человека, «представляющего собою вероломное, хитрое, опасное и коварное животное». Концептуальное открытие Ш. Бодлера, подчеркивает Г.К. Косяков, в том, что он не в ком-нибудь, а прежде всего в себе самом обнаруживает жизнь «животной личности», не кого-нибудь, а себя самого ощущает он сугубо *плотским человеком* [5, 21 – 22]. По сути дела Ш. Бодлер в своем творчестве вышел на новый для европейского литературного сознания методологический вектор концептуализации человека в системе антиномных показателей, архетипический код которых просматривается и в глубинах мифологии, сопрягавшей область антропологического и анималистического.

Этот же оценочный ракурс имел место и в христианской мифологии, что очевидно из персонажной номинации, отвечающей концепту «зверь», вербализованному в тексте Откровения Святого Иоанна Богослова (Апокалипсис). Здесь через образно-смысловую оппозицию «зверь» – «ангел» проясняется семантика имени «зверя» как Антихриста, который является воплощением Сатаны, противником Бога. В Новом Завете, по мнению исследователей сакральных текстов, Сатана и Дьявол – одно и то же существо. По этим версиям дьявол способен не только искушать человека, подавить его волю, но и вселяться в него, овладевая телом и подчиняя себе бессмертную душу.

Представляется, что в книге Ш. Бодлера «Цветы зла» образ человека-зверя отвечает именно этой линии концептуализация, охватывающей всю субъектную сферу, но идентифицирующую ее в семантической парадигматике данного концерта не однородно. В первом программном стихотворении книги *Благословение* в картинах и диалогах разворачивается, а вернее «моделируется» (по аналогии библейской истории рождения Богочеловека) некая схематическая жизненная линия существования *Поэта*, полная испытаний и межличностных конфликтов, когда даже самые близкие стремятся «унизить все божественное в нем». Статусу поэта противопоставлен статус матери и жены – в авторской картине мира экзистенциально значимых женских архетипов, что подтверждает и биографический контекст творчества Ш. Бодлера. По характеру мысли и поведенческой доминанте они в художественном мире стихотворения Бодлера отвечают образу «чужо-

го». Жена же предстает и соблазнительницей, совратительницей, ощущающей в себе «живущего зверя», способного, «играя, насладиться» и как «гарпия вырвать сердце» покорного поэта.

«Но что ж Поэт? Он тверд.

Он силою прозренья

Уже свой видит трон близ Бога самого» [4],

чем подчеркнута богоизбранность и богоравность Поэта.

Очевидно, что экзистенция поэта и само его существование трактуется Ш. Бодлером в системе аксиологических приоритетов романтизма. Образные аналогии поэта позволяют нам актуализировать и мифологический код – противопоставление богоравного и сатанинского. Последнему в авторских коннотациях отвечает женская ипостась, соответствующая мифологическому образу Лилит, трактуемому и как женщина-птица: она подобно «гарпии вырывает сердце». В данном стихотворении смысловое поле концепта «человек-зверь», аргументируемого мифологическими коннотациями, отвечает персонажам, выделенным по гендерному (феминному) принципу.

Однако в последующих стихах книги «Цветы зла» структура персонажной системы и сама концепция человека, идентифицирующего в процессе художественного бытия свой онтологический статус и экзистенцию, меняется. Очевидно, что наряду с метафизической опцией, Ш. Бодлер в оценке мира и человека все активнее руководствуется и экзистенциально-феноменологической, в связи с чем изменяется формат субъектной концептуализации, субъектной идентификации и принцип субъектно-субъектных отношений.

Постепенно в концептуальное поле метафоры «человек-зверь» вводится вся персонажная система книги «Цветы зла», в которой фактор животно-стихийной природы становится структурообразующим в концептуализации представителей рода человеческого, включая и лирического героя. Заметим, что анималистические аналогии возникают в авторском сознании в первую очередь при характеристике женских образов. Например:

*«Ты на постель свою весь мир бы привлекла,
О, женщина, о, тварь, как ты от скуки зла!»*

или

*«Зверь мой с душою свирепо-игривой,
чудо-тигрица, прильни же к плечу!
Пальцы давно запустить я хочу
в чашу твоей развороченной гривы»*

или

*«Я как на приступ рвусь тогда к тебе, бессильный,
Ползу, как клуб червей, почуя труп могильный.
Как ты, холодная, желанна мне! Поверь, –
Неумолимая, как беспощадный зверь!»*

И в этих стихах концепция женских образов коррелирует с апокрифической трактовкой женского начала, маркированного архетипом Лилит, по мифологическим преданиям – воплощением злой силы, женщины, наделенной демоническими чарами. В фольклоре Лилит трактуется и как оборотень, принимающий облик кошки, на что, очевидно, ориентировался Ш. Бодлер в стабильной, в рамках поэтической системы поэта, аналогии женщины и кошки (стихотворения: «Кашка», «Кошки» и др.).

Ориентация на архетипический компонент образа Лилит задавала систему значений, отвечающих бодлеровскому решению концепта «человек-зверь» как экспликации животно-стихийной природы именно женщины. Но отношение к ней у лирического героя теперь двойственное: в силу голоса страсти, она «желанна», но при этом не лишена признака «беспощадного зверя». Ясно, что писатель не ограничивается узувальной составляющей концепта «человек-зверь», а разрабатывает индивидуальную линию его репрезентации и концептуализации.

Это особо очевидно при прочтении стихотворения Ш. Бодлера «*Кот*», где субъектом и объектом экспликации концепта «человека-зверя» становится уже лирический герой, констатирующий:

«В мозгу моем гуляет важно

*Красивый, кроткий, сильный кот
И, торжествуя свой приход,
Мурлычет нежно и протяжно.*

...

Он не царапает, не мучит

Тревожных струн моей души
И только царственно в тиши
Меня как скрипку петь научит,
С твоею песенкой целебной,
Кот серафический, волшебный,
С гармонией твоих рулад!»

В этом стихотворении, опираясь на знакомый нам анималистический образ, художественно развернута феноменология двойничества лирического героя. Семантически образ кота-двойника, с одной стороны, сопрягается с областью природного, символизирующего уже сильное балансирующее начало, а не стихийно-разрушительное (образ кошки-Лилит), с другой, «как серафический, волшебный» -- аллегорический образ -- он и есть тайным знаком и носителем божественного дара поэта. В данном стихотворении для вербального развертывания состояния раздвоенности сознания лирического героя Ш. Бодлером найден ряд повествовательных и композиционных приемов. Лирический сюжет в стихотворении строится на развертывании *отношений лирического Я и сферы его сознания*, в котором значим выделенный анималистический признак:

«Его зрачков огонь зеленый

Моим сознанием овладел».

На уровне композиционной организации средством передачи таких отношений стал прием смены ракурса, «игры» точкой зрения субъекта высказывания.

В поэтическом мире Ш. Бодлера область рассмотренной нами анималистической концептуализации постепенно охватила всю субъектную сферу, включая лирического героя и систему женских образов. Тем самым в бодлеровском художественном решении концепта «человек-зверь» четче обозначилась его функциональная и структурная связь с концептом «человек» -- базовым в авторской экзистенциальной концептосфере.

Опыт актропо-анималистической модели художественной концептуализации Ш. Бодлера был творчески воспринят и продуктивно развит многими европейскими писателями-модернистами в их разработке концепта «человек». Усвоение этого опыта русскими символистами осуществлялось в соответствии с их эстетической аксиологией. Как отмечала З. Минц, цитатность и активная функция реминисценций отличает творческий метод символистов вообще и А. Блока,

в частности [7, 363-364]. В целом поэтическое письмо А. Блока характеризуется многочисленными аллюзиями и реминисценциями из лирики предшественников и современников. Начало 10-х годов прошлого века в этом отношении показательной ориентацией художественного сознания А. Блока на определенные идеологемы, мотивы и образы предшественников, где в первом ряду можно назвать идеологов новой художественной антропологии – Ш. Бодлера и Ф. Ницше.

С именем Ш. Бодлера А. Блок был знаком еще в юности, т. к. его мать одна из первых перевела французского поэта на русский язык. Уже в «Стихах о Прекрасной Даме» тема «двойников», как писал К. Мочульский, «врывалась тревожным шепотом в мелодию книги... В «Распутьях» тема эта развивается в коротких лирических повестях, темно-аллегорических и нарочито-туманных» [8, 59]. Лирический дискурс таких «декадентских» стихов отвечает «записи бреда, ночных кошмаров» [8, 59], не понятых и не принятых даже поэтами-символистами (З. Гиппиус, и др.). Среди образов двойников в этих стихах появляется и образ *черного человека*, символизирующего «двоемирие» в самом человеке и иррациональное в сфере жизни. В художественной антропологии А. Блока уже на раннем этапе его творчества очевидна корреляция с моделью, продуктивно разработанной Ш. Бодлером, констатирующей не взаимоисключение, а взаимодополнение в сознании человека интенции к идеалу и голос страстей роковых, стремление к «бездне».

Можно предположить, что именно путешествие во Францию летом 1913 года для А. Блока стало новым импульсом к актуализации широкого аллюзивного пласта из творчества Ш. Бодлера. Мотивика, отдельные образы французского поэта оказываются аксиологически востребованными художественным сознанием А. Блока десятых годов в процессе художественной экспликации авторской картины мира и концепции человека.

А. Блока как и Ш. Бодлера отличал интерес к феномену раздвоенного сознания современного человека, болезненно переживавшего фазы межличностных отношений (в том числе и интимных отношений) на фоне процесса самоидентификации. Художественная проекция становления такого личного и творческого опыта обозначена лирическим сюжетом цикла «Черная кровь» как любовного поединка ЕГО и ЕЕ, представленного дискурсом лирического героя. Как и у Ш. Бодлера, отношения лирического героя и героини строятся по модели рокового поединка, продиктованного голосом страстей. Но мотив поединка не ограничивается только сферой межличностных отношений, а распространяется и на область бытия сознания лирического героя, переживающего внутриличностную драму. Ее источник – внутренний и внешний, что в данном случае раскрыто А. Блоком в рамках художественного мира не только отдельного стихотворения, как у Ш. Бодлера, а собранного авторского цикла, состоящего из *девяти* стихотворений. Внутренний конфликт кроется в иррациональной природе человека, подверженного «внутреннему огню», с которым не может справиться лирический герой при встрече с героиней. Внешним источником внутриличностной драмы героя становится, казалось бы, конкретная возлюбленная, стоящая «вполоборота», «грудь и рука» которой в поле его зрения. Именно она даже «не взглядом», а своим «дыханием» принесла «грозу», разжигает «огонь»:

*«Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!
Пеплом подернутый бурный костер –
Твой не глядящий, скользящий твой взор!»* [2].

Символическим выражением этого внутреннего состояния героя и героини стал метафорический эпитет *черная кровь*. Герой констатирует:

*«Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже – свидание, даже – любовь!»*

Мотив взгляда, композиционные приемы смены пространственной и субъектной точек зрения, какими, как и Ш. Бодлер, в данном цикле активно пользуется А. Блок, позволяют в широком ракурсе символической оптики (пространственной, психологической, архетипической, мифологической) охватить проблему свидания как любви-поединка и художественно (в рамках собранного авторского цикла) смоделировать версию ее разрешения.

Уже в начале второго стихотворения цикла оговаривается *многомерность взглядов и голосов как со стороны субъектов оценки*:

*«Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит»,*

так и со стороны лирической героини как субъекта действия:
*«Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...».*

Множественность субъектной сферы данного цикла, несмотря на реальность отношений Его и Ее – двух субъектов действия, продиктована той антропологической концепцией человека, на которую ориентировался и которую художественно воплотил в данном произведении А. Блок.

Идея двойственной и антиномичной природы человека в художественном мире рассматриваемого цикла воплощается поэтикой двойничества и множественности Я. Лирический герой как субъект действия в ситуации любовного свидания проявляется в первую очередь своей дьяволической ипостасью: сначала он констатирует свою способность «убить» героиню как только «кровь прошумела в ушах». Мотивом черной крови связывается Ее и ЕГО дьяволическая ипостась:

*«Гаснут свечи, глаза, слова...
– Ты мертва наконец, мертва
Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, ---
Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!».*

Но это убийство виртуальное, разыгранное «ночным сознанием» (7 стихотворение цикла) героя в «страстном бреду» (8 стихотворение цикла). За ним следует реальная ситуация, когда герой констатирует свою способность ударить героиню:

*«Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее».*

Разрешение конфликта в сфере реальных отношений Ее и Его --- уход героини; разрешение конфликта в сознании героя – «убийство» героини как путь ее возвращения «на берег рая», а его – освобождение, т. к. «свободным» он стал и от своего двойника. Речь идет об экзистенциальном освобождении от природно-стихийного голоса тела, которому полностью подчинена героиня -- воплощение архетипа Лилит. Эта связь маркирована ее телесными характеристиками и аналогиями. Она неукротима в поисках наслаждения, когда «обугленный рот в крови / Еще просит пыток любви»; ее мир – это мир ночи, где она подобна «ощерившейся кошке»; её объятия «страшные», поэтому лирический герой хочет «вернуть ее навек на ский берег рая...», убив всю ложь и уничтожив яд...». Мотивом освобождения героя

маркується аксіологічна пріоритетність для А. Блока сфери духа, а не тела. Його модель художественної концептуалізації людини в 10-е десятиліття *согласується* і з пошуками християнської антропології кінця XIX – початку XX століть, розглядаючи плотський досвід людини як етап можливого *духовного воскресіння*.

Художественно-концептуальні рішення даного циклу дозволяють констатувати свідому орієнтацію А. Блока на аллюзивний пласт лірики Ш. Бодлера, що ґрунтується на принципах бінарності і антиномності при побудові образів і художественного світу творчості. Важливим засобом реалізації цих принципів у творчості розглядаються поетів стало художественне рішення метафоричного поняття «людина-звір», смислове поле якого углублялось і розширювалось в процесі авторської концептуалізації феномену людини.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта. Теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.
2. Блок А. Черная кровь / А. Блок // А. Блок Собрание сочинений : В 6 т. – Т. 2 : Стихотворения и поэмы. 1907-1921. – Л. : Худож. литература, 1980. – С. 210-214.
3. Бодлер Ш. Об искусстве / Ш. Бодлер / пер. с франц. Н. Столяровой и Л. Липман; предисл. В. Левика; послесл. В. Мильчиной. – М. : Искусство, 1986. – 422 с.
4. Бодлер Ш. Цветы зла / Ш. Бодлер // с парал. франц. текстом. – М. : Радуга, 2006. – 796 с.
5. Косиков Г. К. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» / Г. К. Косиков. // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер / Составление, вступит. статья и коммент. Г. К. Косикова. – М. : Высшая школа, 1993. – С. 5 – 40.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока / З. Г. Минц. // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. – С. – Петербург : Искусство-СПб, 1999. – С. 362 – 388.
8. Мочульский К. В. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов / К. В. Мочульский. – М. : Республика, 1997. – 479 с.

Н. В. Сподарець

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
кафедра світової літератури

ХУДОЖНЯ КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ФЕНОМЕНУ ЛЮДИНИ В ЛІРИЦІ О. БЛОКА ДЕСЯТИХ РОКІВ: БОДЛЕРОВСЬКИЙ СЛІД

Резюме

У статті висунута гіпотеза про те, що в циклі О. Блока «Чорна кров» художня концептуалізація феномену роздвоєної свідомості орієнтована на творчість Ш. Бодлера. Простежено особливості текстового втілення поняття «людина-звір», актуалізованого як в ліриці Ш. Бодлера, так і О. Блока третього періоду творчості.

Ключові слова: поняття «людина-звір», художня концептуалізація, феномен роздвоєної свідомості.

N.V. Spodarets

Odessa National University named after I. I. Mechnikov
Department of World Literature

**ART CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON OF MAN IN
THE LYRICS A. BLOK TEN YEARS OF: BODLER TRAIL**

Summary

According to the hypothesis formulated in the given article, artistic conceptualization of the phenomenon of bifurcated mind in A. Blok's cycle «The Black Blood» originates in poetry by Charles Baudelaire. There have been investigated the peculiarities of the concept of «animal-man» and its text personifications actualized in Baudelaire's creative works as well as in Blok's poetry of the third period.

Key words: the concept «animal-man», artistic conceptualization, the phenomenon of bifurcated mind.

Статтю подано до редколегії 12.11.2013